

Культура. — 1994. — 18 июня. — С. 2.

НА ПЕРЕДОВОЙ

Говорят, время лечит раны. — у Василя Быкова они до сих пор не затянулись, не зарубцевались — кровоточат. Да, он хлебнул на фронте — и в пехоте, и в противотанковой артиллерии — горячего до слез, и ранен был не один раз, и похоронку отправили его матери. И все-таки источник этой неутраченной боли не только его фронтовая одиссея, война открылась ему как величайшая народная трагедия, избыть которую можно, лишь докопавшись до ее корней. Этим и занимается уже почти четыре десятилетия.

Когда-то Алесь Адамович, его ближайший друг, сказал, что сам он войну, когда стал писать о ней, переживал острее и тяжелее, чем в первый раз реальную, мальчишской оказавшись в партизанском отряде, — тогда выручали молодое легкомыслие, неведение. Это верное наблюдение. Ну а если, как Василь Быков, снова и снова возвращаться в те страшные, кровавые годы, вместе с героями терпя невыносимые страдания, неизбывную муку людей, загоняемых обстоятельствами в такие тупики, из которых если и удастся кому-то выбраться, то только чудом! Каким мужеством, какой душевной отзывчивостью надо обладать для этого, какой жадной полной, неурезан-

ной правды, с какой силой любить людей и ненавидеть войну и фашизм!

Быков — художник трагический. Он сосредоточен на исследовании социально-нравственных коллизий, раскаленных до бела тоталитарным режимом у нас и тотальной, истребительной войной, принесенной на нашу землю гитлеровцами, он стремится выяснить, что происходит в этих условиях с человеком. Больше всего Быкова интересует поведение людей в предельно тяжелых, экстремальных ситуациях, он старается докопаться до первопричин, нравственной подоплеки человеческих поступков и поведения — верности и предательства, злодейства и человечности, мужества и слабодушия, — проникнуть в скрытую при обычном течении жизни и обнаженную жестокими испытаниями глубинную суть характеров. Это вечная и всегда новая для литературы проблема: человек и враждебные ему обстоятельства, иногда закаляющие его, пробуждающие в нем великую энергию сопротивления, чаще уродующие, разрушающие его

душу. Не зря наиболее проницательные критики говорили о повестях Быкова, что они не только о войне...

Это в самом деле так. Быков, кажется, первым в нашей литературе постлесталинского времени — не только в литературе о войне, хочу это подчеркнуть, — отверг последовательно и определенно так называемую классовую мораль (нравственно то, что служит делу пролетариата, высокая эта цель оправдывает средства), утверждая единую общечеловеческую мораль, отвергающую порочные средства, неизбежно ведущие, приводящие к бесчеловечным целям. «А гуманизм — не просто термин, к тому же, говорят, абстрактный», — писал поэт. Вот и для Быкова гуманизм никогда не был ни сомнительным, ни абстрактным понятием, а неременным, необходимым условием достойного человека существования и общественного устройства.

Полной чашей изведаль Быков все, что предназначалось писателю, упорно отстаивающему правду и гуманизм, — и прокрустово ложе цензуры, и

глушение официозной критики, и слежку бдительных органов. Все это сменилось сегодняшними трудностями и горестями, впрочем, связанными и с днем вчерашним. Сегодня, когда некоторые фронтовики, правда, большей частью липовые — «профессиональные» ветераны, выходят на митинги с портретами Сталина, о котором диссидент-«перевертыш» Зиновьев пишет, что он «как военный стратег был на высочайшем уровне», когда они братаются с молодчиками, замещающими у нацистских штурмовиков не одну лишь форму и ритуальные приветствия, писать Быкову — и не только ему — о войне нелегко, приходится преодолевать возникающие из-за всей этой накипи душевные препоны. Надо писать о фашизме — не только о немецком и итальянском, с которым мы сражались не на жизнь, а на смерть, но и о том, что проник и к нам, став серьезной угрозой и нашему обществу, и нашему образу жизни, и нашей Победе. У фашизма, какую бы национальную окраску он бы ни приобретал, природа и цели

всюду одни и те же. Именно так в своих последних вещах пишет Быков о фашизме. Когда-то, в первые послевоенные дни, Илья Эренбург предостерегал: «Мало уничтожить фашизм на поле боя, нужно уничтожить его в сознании, в полусознании, в том душевном подполье, которое страшнее подполья диверсантов». Писатель Быков сегодня своими книгами сражается с тем же врагом, с которым полвека назад с оружием в руках воевал двадцатилетний лейтенант Быков, — нынче это враг, выходящий на улицу из своего душевного подполья...

Недавно мне рассказали, что в одном издательстве обсуждался план выпуска книг к 50-летию Победы. В плане не было книг Василя Быкова, на что было обращено внимание издателей. «Это мы издавать не будем», — заявили они, — другое государство, другая литература». Рассказали мне об этом, как говорится, без эмоций, в порядке информации. А меня охватило чувство глубокого стыда и негодования. Стыдно, что стали уже делить в порядке безбрежной неза-

висимости общую победу, которую могли добыть только сообща, которая действительно была одна на всех. Стыдно, что можно считать книги Быкова зарубежными. Он, белорусский писатель, стал органичной частью русской литературы о войне и занимает в ней и в сознании русского читателя такое место, что вырвать отсюда его творчество можно только с кровью. Возникнет невосполнимое уродливое зияние.

Те, кто побывал на фронте, хорошо знают, какое нелегкое дело после госпиталя, где в тебя не стреляют, не бомбят, три раза в день кормят, спишь на простыне, правда, раны болят, но постепенно это проходит, возвращаться на передовую. Хорошо уже знаешь, что тебя там ждет. И все-таки, как только здоровье позволяет, возвращаешься. Долг требует, твое место сейчас на передовой. Василию Быкову не занимать чувства долга — иначе разве писал бы одну за другой книги, каждая из которых требовала от автора предельного душевного мужества? Сегодня, чтобы быть на передовой нашей литературы, ему нужно только крепкое здоровье, которое хочется пожелать ему в день семидесятилетия.

Л. ЛАЗАРЕВ.